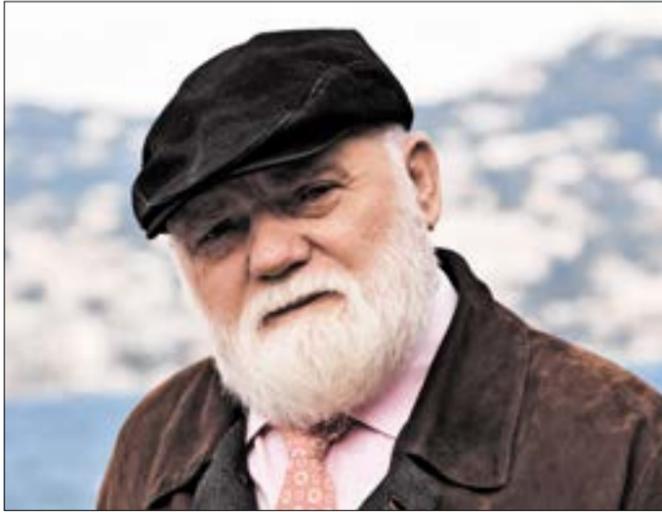

Птичка, поющая о Боге

О романе Виктора Слипенчука «Зинзивер»

Лёгких времён, увы, не бывает. В каждую условную эру населяющим её людям приходится сталкиваться с разного рода трудностями, преодолевать неотвратимое и самих себя. Но, словно знамение, в каждое тяжёлое время словно из Космоса или с Неба земным людям даруется человек, которому предначертано указать им путь в темноте. Этот человек, подобно горьковскому Данко, своим сияющим сердцем, словно факелом, освещает дорогу всем, кто отчаялся и устал. В конце 90-х годов в России таким человеком стал писатель Виктор Слипенчук.

Роман «Зинзивер» впервые увидел свет в 2001 году, когда страна извергла из себя «время девяностых», но не готова была к опыту осмысления прошедшей только что эпохи.

Теоретически жанр романа можно определить как историческую персональную сагу, но Виктору Слипенчуку, корпус прозы которого я прочла почти полностью, как мне кажется, всегда было тесно в жанровых рамках. Мастер больших литературных полотен, он творит внежанрово, всеобъемлюще. Потому «Зинзивер» — накрывающая читателя с головой история, в которой смешаны черты и исторического романа, и авантюрно-приключенческой прозы, и постмодернизма, и, конечно же, внутренней поэзии автора. Слипенчук не только большой прозаик, но и тонкий лирик, и эта грань его необыкновенной личности всегда отчётливо выступает прозрачным кристаллом в созданных им прозаических мирах.

Само по себе название «Зинзивер», безусловно, ключ для читателя. В этом случае Виктор Слипенчук блистательно наследует Чехову, который, назвав пьесу птичьим именем — «Чайка», как бы сразу даёт нам указку — вот кто главный герой. И действительно, его Треплев — чайка. Странная одинокая птица, залетевшая в дачный мир будто бы по ошибке. Несмотря на то что Нина Заречная пыталась убедить всех, что чайка — именно она, очевидно, что эта надозёрная птица — всё-таки Треплев, а значит, он и есть главный герой...

Проводя аналогию между двумя названиями произведений, хочу понять, кто же тогда главный герой романа Виктора Слипенчука и почему для метафоры его образа автор выбрал птичку по имени зинзивер.

Читаю в определителе птиц: «Старинное название синички — «синька», «синюшка», «зинька», «зинзивер» — произошло от звонких песен птичек, напоминающих перезвон колокольчика: «Зинь-зинь!» Синица бывает много и разных — более 60 видов. Они доверчивы, легко поддаются приручению

и быстро привыкают к месту кормления. Живут они долго — пять-шесть лет...»

Озадаченно перечитываю — «долго». Да ведь срок жизни ничтожный, всего несколько лет! Но разве человеческая жизнь, по сути говоря, длится дольше? По птичьим меркам наши года — это тоже огромный срок. Каждый распоряжается им в обстоятельствах, которые предлагает ему его эпоха.

Так кто же тогда *слипенчукский зинзивер* и как он распоряжается своей птичьей жизнью?

Митя Слёзкин — поэт в крылатке, пошитой из общежитского одеяла, талантливый поэт, светлая личность — напоминает нам отчасти князя Мышкина, но сумевшего преодолеть свою болезнь и вышедшего в социум, при этом продолжающего грезить и видеть сны сквозь серую реальность. Митя и есть главный герой и тот самый зинзивер — доверчивая звонкая птичка, которой предначертана «долгая» жизнь.

На другую героиню романа с метафорическим именем Розочка читатель смотрит на протяжении всей истории через призму любви Мити. «... по-прежнему Розочка оставалась для меня Розочкой, моим спасительным лучезарным цветочком...»

Так же, как и страну — сложную, вспаханную тяжёлыми событиями, возлюбленную Мити мы тоже видим через призму его чувства. И хоть о Розочке толкуют разное общее знакомые, она, как и неоднозначная Родина, для Мити — главное, что есть в его жизни. Самое настоящее. Самое спасительное.

«...И сразу даль реки приподнялась, раздвинулась, и где-то далеко-далеко, словно бы на краю земли, встала во весь рост колокольня Юрьева монастыря, а чуть левее обозначилась тёмная маковка купола храма Георгия Победоносца. «Россия, Русь! Храни себя, храни!..» Я услышал тихий вечерний вздох, ветви ив внизу покачнулись от внезапного ветерка, сошедшего сверху, и словно бы задумались. «Рос-

сия, Русь! Храни себя, храни!..» И опять вздох, и мягкое согласие ив, как будто слова поэта вспомнились не лично мне, а были растворены во всём, что я видел вокруг...»

Как и во всех романах Виктора Слипенчука, в «Зинзивере» остро и нежно чувствуется то, что принято называть «дыханием Бога». И не только благодаря евангельским эпиграфам, хотя они тоже сразу дают читателю несколько ключей к пониманию романа. Но божественный свет царит на

страницах «Зинзивера» повсеместно, являясь основным действующим лицом, как это ни парадоксально звучит.

«...Любой мало-мальски верующий, вспомнивший о Боге, никогда не скажет в сердце своём: мол, с такого-то числа начну делать людям добро. Напротив, он постарается приблизить время и уже с той секунды, что вспомнил, будет искать случая для добродетели...»

И, если бы в романе можно было выделить главный монолог, то для меня, пожалуй, в этой роли выступили слова Мити о Боге и милосердии. Мысли, озвученные уже когда-то тем же князем Мышкиным, но зазвучавшие в новой реальности девяностых уже по-другому:

«Я всегда говорил и сейчас говорю:

— Люди, никогда не падайте духом, уж так устроен наш материальный мир, что Бог не даёт нам ноши более той, что мы в силах нести. Иногда кажется — всё, конец, мы как бы по инерции передвигаем ноги, готовые упасть, но именно в этот самый момент вдруг начинаем чувствовать, что падать не нужно, во всяком случае сейчас. Потому что с двух сторон нас поддерживают ангелы. Да-да, ангелы! А иначе чем объяснишь, что в совершенно безвыходной ситуации всё как нельзя кстати совпало, и совпало в твою пользу? Почему в череде случайностей именно твоя карта — козырный туз, а ты находишься не где попало, а в нужное время в нужном месте?.. Потом везение будет повторяться и повторяться — ты расправишь плечи и забудешь, что был момент, когда уже готовился упасть. Так вот, я напоминаю вам — никогда не унывайте и не отчаивайтесь! Когда вам станет поистине тяжело, Он непременно окажет помощь, потому что в основе нашего мира — Его милосердие...»

Знаю, что по мотивам романа на сцене Театра наций режиссёром Геннадием Шапошниковым был поставлен спектакль «Роман без ремарок», с успехом шедший с 2004 по 2009 год. Читала высказывания некоторых театральные критиков, что в драматургии оказалось много религиозных мотивов — и считается, что по-другому, разумеется, не могло быть. Ведь лейтмотивом всех произведений Виктора Слипенчука является именно поиск Бога в человеке. Когда же человек находит в себе Бога, чувствует его дыхание, то он прозревает

и может отныне обогреть этим дыханием и своих близких, и свою озябшую страну.

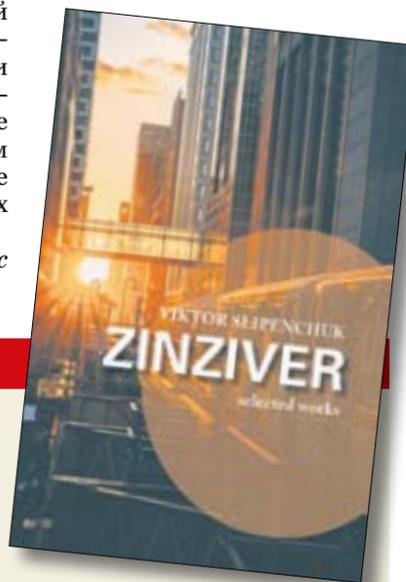
Благодаря Мите божественное дыхание снисходит и на алкашей-забудлыг, и на соседей по общаге, на случайных прохожих, отогревая их души. «...Замечателен город Н... лучший из древнерусских... Река, кремль, зелёные холмы и храмы на холмах. Тают в небе маковки куполов, далеко окрест слышится неслышимый малиновый звон колоколов, плывущий из глубины веков. Вот и мимо нас проплывёт, не потревожив чувств, потому что нас как бы и нет на земле. Пусты звонницы наших церквей, музейный холодок мертвит наши иконостасы, потому что более всего и всех мертвы мы сами. Тусклость, серость и горечь, да и то какая-то неясная, вот что такое — мы. Души умерших писателей, рождённых до учения Христа, Данте поместил между адом и раем, в городе, лишиённом даже намёка на жизнь. А мы сами по своей воле, отвергнув прошлое, поселились в Лимбе. Но что-то уже сдвинулось — ад или рай? Тысячи русских святых идут и идут ангельским крестным ходом — День Успения Пресвятой Богородицы. Предосенняя безгрешная теплынь и тишина, солнечные лучи скользят по листве, и небо сходит на землю, и земля приподнимается к небесам.

Пресвятая Богородица, сделай так, чтобы маме было хорошо и всем матерям земли Русской. Пречистая Дева Мария, сделай так, чтобы Розочка ни в чём не нуждалась, а меня просвети, потому что не хочу участвовать во всякой лжи, а сам ни одной молитвы не знаю.

Я стал сочинять молитву к Пресвятой Богородице и вдруг почувствовал, как хорошо вокруг — тихо, солнечно и просторно. И как тесно и уныло внутри меня: вся моя жизнь литературного работника — одно сплошное недоразумение. Здесь, на земле, пусть из глубины веков, но теплится божественное дыхание...»

Зинзивер — крохотная птичка-синичка, поющая звонкую песенку о свете и весне — наперекор зимним холодам и тьме. Именно она — символ того, что Господь верит в безнадежных нас —случайных прохожих, забудлыг и поэтов. Вот поэтому писатель Виктор Трифонович Слипенчук и есть Человек эпохи. К его произведениям читатель обращается каждый раз, когда в тяжёлые времена ему так необходимо почувствовать небо.

Дана Курская,
поэт, издатель,
культуртрегер

В ТЕМУ

Сборник избранных произведений Виктора Слипенчука на английском языке, куда вошёл и роман «Зинзивер», получил престижную награду британского издательства Hertfordshire Press — за выдающиеся достижения в области формирования и продвижения литературного наследия стран Евразии в международном пространстве (Гринок, Шотландия). В преддверии Нового года вручение заветной статуэтки за сборник романов и повестей Zinziver, в который вошли самые знаковые работы автора, стало особенно символическим, как торжество культуры и общечеловеческих ценностей. Переводчик книги — Антон Коваленко (Канада), редакторы англоязычной адаптации — Франческа Мефам и Лаура Гамильтон (Великобритания). Стоит отметить, что ранее роман «Зинзивер» выходил на французском и китайском языках.